

УДК 008+351.85(470)+316.7

Религиозный дискурс региональной идентичности (на примере Сибирского региона)

Е. В. Головнева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург*

Аннотация. Дается представление о функционировании религиозного дискурса в структуре региональной идентичности, выделяются его гносеологические особенности, показывается взаимосвязь религиозного и художественного дискурсов. Особое внимание уделяется характеристике религиозного дискурса, направленного на формирование образа Сибири.

Ключевые слова: региональная идентичность, дискурс, религия, Сибирь.

В данной статье предлагается обратить внимание на возможные формы дискурсивной репрезентации региональной идентичности и обозначить специфику религиозного дискурса как одного из значимых способов рассуждения о Сибири. Решение данной задачи прежде всего требует обращения к понятию «дискурс», а также осознания того, как могут разворачиваться дискурсы (в частности, религиозный) в структуре региональной идентичности.

В общем понимании под дискурсом имеется в виду вид речевой коммуникации, ориентированный на раскрытие вполне конкретного горизонта смыслов. Дискурс – принуждающий принцип, восприятие реальности осуществляется посредством дискурсов. Дискурс историчен, упорядочен (организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур) и выполняет функцию конституирования реальности. Характер определенного сообщества (в том числе регионального) имеет дискурсивную природу: в его рамках дискурсы создаются, сохраняются и воспроизводятся. Дискурсы региональной идентичности, однако, не следует воспринимать как существующие отдельно от культурных практик людей и от материальных условий, создающих предпосылки для разворачивания региональной идентичности [13].

Использование понятия «дискурс» по отношению к характеристике содержания региональной идентичности представляется уместным, поскольку речь идет о совокупности высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования. В рамках региональной идентичности, на наш взгляд, можно выделить мифологический, религиозный, художественный, политический и философский дискурсы. Каждый из дискурсов в структуре региональ-

ной идентичности представляет собой до некоторой степени самостоятельный способ отношения к региональной культуре, имеющий свои источники формирования и пополнения, свои базовые постулаты и свои специфические логические приемы и способы развертывания знаний. В итоге функционирования дискурсов возникает внешний образ региона, репрезентируемый яркими нарративами мифологического, религиозного, исторического, философского или художественного характера.

Представляется, что религиозный дискурс занимает существенное место в системе суждений о своем регионе, поскольку в ее построении оказывается значимой логика, развивающаяся по религиозному типу. Отличительными гносеологическими особенностями такой логики являются: сакрализация объектов, апелляция к сверхъестественному, вера как основной источник информации, канонизация священных текстов. Отметим, что, характеризуя религиозный дискурс региональной идентичности, можно вести речь о сакрализации персон, связанных с регионом, и канонизации текстов, относящихся к региональной истории. В качестве примеров такой сакрализации следует отметить, например, почитание Ксении Петербургской в Ленинградской области, святого Николая Великорецкого в Кировской области, Урюпинской Божией Матери в Прихоперье, Абалакской Божией Матери в Тюменской области и т. п.

Сакрализация региональных объектов, помимо почитания «святых», также может включать в себя обожествление и идеализацию основателей региона, регионального политического лидера и т. п., почитание сакральных объектов региональной культуры (памятников, знаменательных мест, элементов ландшафта и т. п.), наделение собственного региона и его истории «мистическими», сакральными чертами (что выражается, например, в характеристике региона как «вечного», «исключительного»). Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящем как данный регион, так и государство в целом, за пределы человеческой истории и наделяющем их некой мистической энергией, позволяющей претендовать на исключительное место в современном мире. К таким явлениям относятся, например, попытки объявить Кольский полуостров «Гиперборейской цивилизацией», предгорья Эльбруса – «древней столицей славян», Русский Север – прародиной арийцев, Старую Ладугу – «первой столицей Руси», территорию Югры – Йурой арабских путешественников и Биармией скандинавских стран.

Канонизация текстов выражается в объявлении региональными элитами части своих исторических сочинений «священной историей», наполненной драматическими и героическими событиями. Здесь доминирует особый язык, в котором актуализированы «жертвенность» и «подвижничество» как характерные черты региональных героев. Например, первопроходцев Севера в рамках такого способа рассуждений описывают как людей, которые «мерзли в балках, кормили своей кровью мошку, тонули вместе со своими бульдозерами в васьюганских топях» для того, чтобы возникли «западносибирские города-триумфаторы... с электролиниями, дорогами отелями, образцовыми библиотеками, суперсовременными музейными комплексами» [8, с. 311].

П. Штомпка называет такой дискурс искусственным конструированием традиций, фактически никогда не существовавших, приписыванием современным идеям или взглядам давней генеалогии [10]. Сюда, к примеру, относится также попытка интеллектуалов Курской области на основе сконструированного «курско-орловского» диалекта представить свою землю «неотъемлемой, корневой и центральной областью русского этноса», несущей «особую ответственность за судьбу страны, государства, языка, культуры, традиций» [9, с. 221].

Наконец, для дискурса региональной идентичности, разворачивающегося по религиозному типу, характерен консерватизм мышления и эсхатологичность (например, страх в регионе перед гипотетической катастрофой). В этом случае формируется, по определению М. П. Крылова, традиционалистская региональная идентичность [5] с ее безусловной ориентацией на прошлое, жестким следованием социально передаваемым нормам и правилам и враждебностью к любым нововведениям. Такая идентичность оказывается менее толерантной, сопряженной с архаикой, связанной с, возможно, ускоренным, но не сбалансированным социально-экономическим развитием.

В этом контексте интересно обратиться к вопросу о представленности религиозного дискурса в рамках сибирской идентичности.

В типе рассуждений, формирующихся в соответствии с религиозной логикой и риторикой, регион Сибирь представляет собой самостоятельную религиозную единицу и может быть рассмотрен как архипелаг сакральных мест. Территория Сибири в этом случае осмысливается в терминах сакральной географии: упоминаются подвижники, «святые», чья деятельность оказалась связанной с Сибирью, выделяются древние памятники и святыни, о территории говорится в мессианском аспекте и т. п. В научном дискурсе становятся популярны идеи поиска религиозной основы «урало-сибирской цивилизации», в качестве которой предлагаются не только христианство (как у евразийцев), но и «тенгри-космизм», и российский буддизм.

Отметим, что религиозная риторика довольно часто проникает и в художественные произведения, связанные с осмыслением «сибирской темы». Так, в художественных нарративах получила выражение тема восприятия Сибири как Нового Завета в трудах иностранных исследователей-пиетистов, как «места изобилия и праведности», открытого старообрядцами (романы С. Залыгина «Комиссия» 1976, В. Астафьева «Царь-рыба» 1975), как «чудесный мир» Беловодья. При этом в описаниях Сибири была задействована религиозная терминология, давалась характеристика территории в «волшебных категориях». Например, «страна Беловодья» описывалась в терминах «Царства Духа Чистого, красоты, чудных огней, возвышенных чарующих тайн, радости, света, любви, своего рода покоя и непостижимых величий...» [Цит. по 1, с. 5]. Могучая сибирская природа в сибирской прозе уподоблялась храму: «черные валежины и высокие пни курились синенькими струйками, словно только что задутые свечи» [2, с. 377]; «скалы предостерегающими перстами маячили над лесом» [Там же, с. 392]. В таком качестве религиозный дискурс о Сибири вписывался в русло социокультурных и философских исканий русской литературы, связанных с идеей «земли обетованной» – идеальной Руси, и в контекст споров о национальной религиозности.

Ощущение духовной отличительности Сибири в рамках целого, когда религия служила средством определения региона [11], имеет давнюю традицию. Сибирь как религиозный центр мира многократно репрезентировалась, к примеру, посредством ее картографического изображения. Для сибирского картографа, историка и архитектора конца XVII – начала XVIII в. С. У. Ремезова «Сибирь была не холодным отдаленным местом, а любимым Богом регионом, орошаемым могучими реками, прорезающимися сквозь покрытые травой холмы с множеством красивых, благословенных мест» [7, с. 8]. С. У. Ремезов наделил Сибирь собственной священной хронологией и создал карту, на которой сибирский город Тобольск располагался в центре мира, с концентрическими кругами, расходящимися от него в соответствии с картографической традицией в отношении Иерусалима [Там же, с. 14].

Близкий к религиозному образ Сибири как истока духовных преобразований и духовного прозрения человека широко был представлен, начиная с жития Аввакума, в художественной литературе (В. Шишков «Угрюм-река», Г. Д. Гребенщиков «Чураевы») и кинематографе («сибирская тематика» в фильмах С. Герасимова, А. Михалкова-Кончаловского, В. Шукшина, А. Дудорова). Тема религиозного возрождения человека через его приобщение к Сибири может быть выражена словами В. Г. Короленко в повести «Соколинец»: «Сибирь заставляет даже в убийце видеть человека...». Хорошим современным примером репрезентации Сибири как особого религиозного центра является фильм известного режиссера Вернера Херцога «Колокола из глубины. Вера и суеверия в России» (1993) [12], в котором Сибирь репрезентируется как уникальная территория с массой редких религиозных практик. Данный фильм, получивший широкое распространение за рубежом, сыграл серьезную роль в конструировании у западного зрителя эмоционального восприятия Сибири как особого религиозного пространства, источника некоего особого знания, находящегося за пределами рационального.

Влияние религиозного дискурса на восприятие Сибири проявляется, например, в частом использовании архетипических образов в художественных произведениях о Сибири и сибиряках, а также в появлении многочисленных паранаучных версий сибирского пространства. Последние ориентированы на поиск и фиксацию различного рода «таинственных сил» и «мест силы» в Сибири, создание сакральных комплексов и экопоселений, известных далеко за пределами Сибирского региона (например, Церковь последнего Завета и Город Солнца в Красноярском крае, скифские погребения Укока, Долина Царей в Тыве, Уймонская долина на Алтае и др.).

К примеру, одно из современных сибирских «мест силы» – знаменитый «окуневский феномен» в Омской области (Западная Сибирь), характеризуется рядом религиозных групп и многочисленными паломниками как духовный центр, «пуп Земли», на котором расположено обрядовое место Омкар – «тайные ворота в параллельные миры». Широко распространяется мифологема, что в Сибири происходили события, описанные в древнеиндийской поэме «Рамаяна», и именно с этой территорией связано возрождение храма и предстоящее спасение России в грядущей мировой катастрофе [3]. Аналогичные мифологе-

мы циркулируют и в отношении Уймонской долины на Алтае, которая многими «спасающимися» характеризуется как центр новой цивилизации, место, которого не коснется конец света [4].

Как отмечает филолог Т. Л. Рыбальченко, в современной литературной традиции в образе Сибири актуализируются уже скорее не языческие характеристики, а черты буддистского мироощущения (Сибирь как мир отрешенности, медитируемый мир, мир, рождаемый сознанием), и иначе интерпретируются размеры, природность Сибирского региона (Сибирь как пространство пустоты, выход сознания из реальности (транс)) [6]. Отметим, что и для иностранцев современная Сибирь становится привлекательной в эмоциональном плане, прежде всего через сохраняющуюся здесь «восточную ментальность», мистику, духовность, аутентичность и особую миссию. В данном случае внешними наблюдателями охотно разделяется сконструированное на базе традиционной сакральной географии восприятие Сибири как центра религиозной жизни, находящегося в неразрывном единстве с нетронутой природой.

Таким образом, религиозный дискурс оказывается одним из значимых способов рассуждений о *сибирском*, а религиозный образ Сибири является важным компонентом в формировании системы представлений о Сибирском регионе в целом.

В заключение можно отметить, что анализ самых различных социокультурных аспектов бытования и содержания региональной идентичности (включая религиозный) способствует пониманию того, чем она собственно является как философско-культурологический феномен. И в этом контексте перспективным направлением разработки обозначенной тематики в будущем может стать, например, выявление роли религии (в содержательном и логическом аспектах) как параметра конструирования конкретной региональной идентичности, а также проведение с учетом полученного материала философской экспертизы в отношении разработки брендов конкретных территорий.

Список литературы

1. *Абдуллина Л. И.* Творческая мастерская: индивидуальный почерк и территориальное самосознание / Л. И. Абдуллина // *Геопозитика писателей Сибири и Алтай* : сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Куляпин. – Барнаул : АлтГПУ, 2016. – С. 5–15.
2. *Астафьев В. П.* Собр. соч. В 15 т. Т. 2. Стародуб : повесть / В. П. Астафьев. – Красноярск, 1997. – С. 109–180; 1998. Т. 13: Стародуб: Повесть (вариант).
3. *Головнева Е. В.* Обращение к вере, утопия и сакральное место (д. Окунево в Западной Сибири) / Е. В. Головнева, И. В. Шмидт // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2015. – №3 (33). – С. 290–321.
4. *Жидкевич Н. Н.* Преимущество заселения Уймонской долины Республики Алтай / Н. Н. Жидкевич, А. А. Позаненко // *Сибирь: контексты настоящего* : сб. материалов междунар. конф. мол. исследователей Сибири / науч. ред. И. П. Басалаева, М. Я. Рожанский. – Иркутск : Центр независ. соц. исслед., 2016. – С. 153–164.
5. *Крылов М. П.* Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере Европейской России) / М. П. Крылов // *Логос*. – 2005. – № 1 (46). – С. 275–289.

6. Рыбальченко Т. Л. Мифологемы образа Сибири в русской прозе второй половины XX в. [Электронный ресурс] / Т. Л. Рыбальченко. – URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_1.html (дата обращения: 11.04.2017).

7. Смит-Питер С. С. У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII – начала XVIII века / С. С. Смит-Питер // Сиб. ист. исслед. – 2014. – № 3. – С. 7–23.

8. Трахтенберг А. Д. «Югра же людье есть язык нем»: опыт исторического анализа дискурса / А. Д. Трахтенберг // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. – 2005. – № 6. – С. 290–312.

9. Шнирельман В. А. Идентичность и политика постсоветской памяти / В. А. Шнирельман // Полит. концептология : журн. междисциплин. исслед. – 2009. – № 2. – С. 209–230.

10. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 2. – С. 3–12.

11. Holford M. The North and the Dynamics of Regional Identity in Later Medieval England / M. Holford // An Agenda for Regional History / Ed. Bill Lancaster [et al.]. – Newcastle upon Tyne, 2007. – P. 303–320.

12. Sitnikova A. A. The Image of Siberia in Soviet, Post-Soviet Fiction and Werner Herzog's Documentary Films / A. A. Sitnikova // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – N 4. – P. 677–706.

13. Prokkola E. Performance of regional identity in the implementation of European cross-border initiatives / E. Prokkola, K. Zimmerbauer, F. Jakola // European Urban and Regional Studies. – 2015. – Vol. 22(1) – P. 104–117.

Religious Discourse of the Regional Identity (the Case of Siberian Region)

E. V. Golovneva

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg

Abstract. The article considers a religious discourse in the structure of regional identity, its cognitive specifics as well as interrelationship of religious and artistic discourses. Special attention is paid to the analysis of religious discourse oriented to developing the image of Siberia.

Keywords: regional identity, discourse, religion, Siberia.

Головнева Елена Валентиновна
кандидат философских наук, доцент,
кафедра культурологии и дизайна
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России
Б. Н. Ельцина
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
тел.: 8(343)3759324
e-mail: golovneva.elena@gmail.com

Golovneva Elena Valentinovna
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department of Cultural
Studies and Design
Ural Federal University named after the first
President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mir st., Ekaterinburg 620002
tel. 8(343) 3759324
e-mail: golovneva.elena@gmail.com